

M. N. Rosenko
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

A. A. Kumpen
Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg

POST-INDUSTRIAL SOCIETY AS A TRANSITIONAL PERIOD TO NEW SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEM

Reasons for the main content of the modern era as a transition period from capitalism and socialism to new type of social reality are provided in the article. The features of the present transitional stage are its global nature, forming of post-industrial society, development of high-technology material and spiritual production, emergence of a new class paradigm of social relations, deepening of social inequality, aggravation of internal and external contradictions.

Transition period, capitalism, socialism, post-industrial society

УДК 304.2

И. И. Рожков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Ф. М. Иванюк

Санкт-Петербургский университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Проблематика этической составляющей исследований элит рассматривается в контексте ее основы – ответственности. Анализируются различные виды элит, проблемы их взаимодействий в оптимизации процессов трансформации и стабилизации в обществе. Показывается важная роль системы высшего образования в процессах формирования элит и повышение эффективности их деятельности.

Элита, элитология, элитогенез, контрэлита, меритократия, ответственность, субъект ответственности, объект ответственности, инстант ответственности, справедливость

Несовершенство законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации во многих областях общепризнано. Особенно это сказывается на регулировании отношений между различными элитами, осуществляющими властные и управленческие функции с одной стороны, и населением с другой.

Там, где правовые отношения оказываются недостаточно эффективными, их могут и должны дополнять нравственные отношения.

Для современного положения дел в нашей стране характерны тенденции чрезвычайно активных процессов трансформации и коренных перемен в общественном и государственном устройстве, проявления и укрепления в последние годы противоположных процессов –

стабилизации общественной жизни, необходимости нахождения путей достижения оптимального соотношения процессов трансформации и стабилизации для повышения конкурентоспособности нашего общества в условиях глобализации.

Что касается процессов трансформации и коренных перемен в политико-экономической системе, сошлемся в данном контексте на приведенное в статье И. Панькув единое мнение многих исследователей таких процессов, согласно которому трансформацию политических систем необходимо рассматривать прежде всего как «продукт деятельности элит» или «революцию сверху» [1, с. 44].

Согласно такой концепции массы не участвуют в этом процессе, более того, могут противодействовать ему и даже должны быть выведены из этого процесса. Таким образом, подчеркивается решающая роль элиты в обозначенных процессах. Разумеется, действия элит в этом направлении определяются не только их собственными интересами, что, конечно, имеет место, но и действием объективных обстоятельств, определяющих необходимость решительных структурных изменений в политико-экономическом устройстве.

Хотя история и не знает сослагательного наклонения, однако последующий анализ событий всегда показывает возможность альтернативных путей и способов преодоления негативных обстоятельств. В условиях России конца 80–90-х гг. XX в. выбор альтернативы был осуществлен наиболее активной частью элиты (номенклатуры) в значительной мере по соображениям достижения собственных интересов и под активным воздействием внешних сил. Соотношение объективных и субъективных моментов в этих процессах еще долго будет находиться в центре внимания обществоведческих исследований в целом и исследований элит в особенности.

Слишком большая цена, которую заплатило подавляющее большинство населения страны в ходе этих перемен, не могла не вызвать широкого недовольства масс. Уже в 1993 г. отмечалось, что в «России уже в течение нескольких лет происходит падение производства, у миллионов людей отнята перспектива нормальной жизни, в 43 регионах страны в 1992 г. смертность превысила рождаемость, появились тысячи беженцев. Возникли многообразные факторы, свидетельствующие о подрыве генотипа нации, о ее вырождении. Около 30 млн россиян в связи с развалом Советского Союза оказались за пределами России. В тяжелом положении находятся и народы других республик» [2, с. 14].

В последующие 90-е гг. эти негативные процессы усиливались, а недовольство населения возрастало.

Наиболее дальновидная часть элиты не могла не осознавать угрожающих масштабов этого недовольства и в начале XXI в. инициировала постепенные, но последовательные изменения в процессе трансформации российского общества. Эти изменения не могли не привести и к переменам в составе и структуре правящей элиты, ведь в переходных обществах элиты не только вызывают перемены, но и сами подвержены изменениям. Необходимость изучения таких изменений и их последствий служит еще одним фактором усиления внимания к исследованиям элит, комплекс которых и объединяется элитологией.

Одним из самых серьезных последствий означенных изменений следует считать выдвинутую на самом высоком государственном уровне программу достижения и всемерного укрепления стабильности российского общества, его единства. В стабильных обществах гарантами единства выступают социальные институты, прежде всего государство, но в трансформирующихся странах сохранение единства в обществе зависит скорее от ориентации и действий элит. Это также подчеркивает возрастающую актуальность исследований элит.

На высшем государственном уровне наряду с задачей укрепления стабильности выдвигается и задача повышения конкурентоспособности российского общества в условиях глобализации мировых процессов. Это в свою очередь ставит перед элитой прежде всего задачу нахождения оптимального соотношения между стабильностью и трансформацией. Решение этой проблемы в очень высокой степени зависит от правильной оценки, складывающейся в каждый момент ситуации, и возможностей предвидения ситуативных изменений в будущем.

Необходимо констатировать резкое возрастание степени политической ответственности элиты, а политическая ответственность так или иначе связана и с моральной ответственностью. В связи с этим следует отметить, что при всем многообразии различных подходов, уровней и видов исследований элит, этическая составляющая этих исследований до настоящего времени остается наименее разработанной. Это многообразие определяется комплексным междисциплинарным характером исследований элит, что подчеркивается практически всеми учеными, работающими в данной области. Наиболее последовательно эта точка зрения проводится в программной статье профессора Г. К. Ашина «Философская составляющая элитологии», где убедительно обосновывается системообразующая роль социально-философского подхода в исследованиях элит. «Термин «элитология» – российская новация. Он введен в научный оборот в 1980-х гг. и получил широкое распространение в российских общественных науках со второй половины 90-х гг., когда был опубликован ряд работ по этой проблематике» [3, с. 62].

Сказанное и сам термин «элитология» относятся к современному состоянию исследований элит, но научный подход к изучению этого феномена сформировался в работах классиков Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса на основе идей К. Маркса и М. Вебера в тесном взаимодействии с достижениями научной социологии. Классический период теории элит при всей его методологической значимости для современной элитологии весьма существенно от нее отличается, и, на наш взгляд, именно комплексный междисциплинарный характер последней выступает как одно из важнейших таких отличий. Для элитологии характерны такие черты, как опора на эмпирические исследования и их обобщение, применение количественных методов, отказ от утопических идеалов, замена идеального оптимальным, обогащение понятийного аппарата, идеологическая нейтральность, ограничение роли аксиологического подхода, взаимодополнительность монистического и плюралистического подходов (рассмотрение различных элит и их взаимосвязей), усложнение представлений о структуре общества, выделение не только элит и массы, но и промежуточных слоев – групп, обеспечивающих трансляцию принятых элитами решений в массы (СМИ, низовая часть бюрократии).

Парадигма современных элитологических исследований охватывает не только проблемы состояния, формирования и функционирования собственно элиты, но и проблемы изучения массы, ее эволюции, отношения к элите, проблемы контрэлиты и оппозиции, процессы элитогенеза и меритократии как результаты взаимодействия элиты и массы. Для исследования состояний нестабильности правящей элиты, на наш взгляд, наиболее эвристически значимо сосредоточить внимание на понятии «контрэлита» и близких, но не тождественных ему политических понятиях «диссидентство» и «оппозиция». При весьма заметном сходстве эти понятия имеют и существенные различия. Понятие «диссидентство» охватывает совокупность людей, недовольных политикой существующей власти по сходным причинам, ищущих идеологическое обоснование своего недовольства, вербально выражающих свои взгляды. Однако для них характерны почти исключительно неформаль-

ные контакты между собой, отсутствие или только зачатки организационного объединения, более или менее общепризнанной программы действий. У правящей элиты обычно имеется много способов эффективного воздействия на диссидентов для ослабления или даже почти полного устранения этого явления.

Если же правящая элита не способна эффективно воздействовать на диссидентство, то оно превращается в более сложное (и опасное для нее) явление контрэлиты.

«Контрэлита» – это группа людей, претендующих на место в правящей элите, но не получивших такого места. В разные исторические периоды контрэлита меняется. Выражаясь языком Парето, можно сказать, что в состав контрэлиты могут входить и «львы» и «лисы». Это может быть буржуазия, группа военных, конспиративная организация революционеров и недовольная интеллигенция. В качестве одного из определений понятия «интеллигенция» известный советский и российский интеллектуал М. Гаспаров приводит такую яркую метафору: «...те, кто получили образование, дающее доступ к власти, но за отсутствием вакансий не получили власти и поэтому дуются» [4, с. 19]. Особенно опасными как для правящей элиты, так и для стабильности общества в целом являются контрэлиты, возникающие в результате раскола самой властвующей элиты. Это нередко проявлялось в истории России и других стран, а последствия оказывались революционными.

С нашей точки зрения целесообразно отметить условия появления и характеристики контрэлиты:

- критическая (для данных исторических условий) численность людей, обладающих достаточным образованием и способностями к управлению, но не получивших доступа к власти за отсутствием вакансий;
- не востребованность этих людей в других приемлемых для них сферах деятельности;
- отсутствие возможностей привлекательной для них эмиграции (временной или постоянной);
- повышение уровня солидарности среди этих людей на основе их общего недовольства, приводящее к созданию соответствующих организаций;
- установление и усиление связей контрэлиты с массами, способными конкурировать с соответствующими связями элиты;
- разработка или адаптация усвоенной извне идеологии, способной успешно конкурировать с идеологией господствующей элиты.

Наиболее важным фактором появления и роста контрэлиты представляется устойчивый переизбыток людей, получивших высшее образование и не находящих себе места в кругах элиты. Пути предотвращения возможных негативных¹ последствий этого фактора можно рассматривать в различных плоскостях. Во-первых, это реформа системы высшего образования для существенного сокращения численности будущих претендентов на обладание властью. Во-вторых, это расширение возможностей привлекательной для таких людей эмиграции (постоянной или временной). В-третьих, это создание и укрепление конструктивной оппозиции с реальной перспективой ее доступа к власти в относительно недалеком будущем. Опыт развитых стран Запада (США, Великобритании, Франции, Германии и др.) показывает наибольшую эффективность именно третьего пути. Контрэлита превращается в ответственную оппозицию, когда она имеет мощную легальную организацию,

¹ Такие последствия могут оказаться негативными, прежде всего для правящей элиты, но в случае революционных потрясений могут привести и к массовым страданиям.

широкую социальную базу, конструктивную программу действий, реальные возможности доступа к власти и гарантирует свой мирный и легальный отход от власти в случае поражения на выборах.

Ключ к постановке и нахождению решений проблем укрепления стабильности элиты (а тем самым и стабильности общества), на наш взгляд, и находится в этической составляющей элитологии, которая тесно связана с вопросом о соотношении морали и политики. Этот вопрос всегда был одним из самых спорных. Как отмечает известный авторитет в области политической этики Б. Сутор, «для одних всеобщее благо является лишь словесной оболочкой, которая призвана скрыть интересы. Для других потеря ориентации на всеобщее благо в политике и чувства солидарности граждан является опасным симптомом кризиса нашего времени» [5, с. 85]. Разрабатывая концепцию, призванную совместить мораль и политику с учетом специфики той и другой форм общественного сознания, тот же автор отмечает, что целесообразно не привносить политическую этику в политику извне, а развить ее из понимания политики.

В политике выделяют три тесно взаимосвязанных сферы (компонента): действия, средства-институты, цели-программы. Для выяснения специфики проявления морали в каждой из этих сфер и разделяют общую этику целей, этику институтов (институциональную этику) и этику действий.

Для советской этики была характерна точка зрения, согласно которой мораль в отличие от права и политики рассматривалась принципиально в качестве неинституционального способа регуляции человеческого поведения. Однако под влиянием зарубежных исследований и в отечественной литературе все более распространяется точка зрения, призывающая гармонично соединить традиционный и современные этические подходы, институциональную и индивидуальную (частную, приватную) этику. Рассматривая процесс изменения соотношения политической (институциональной) и приватной морали, О. В. Гаман-Голутвина указывает на его неоднозначность: «...наряду с негативными сторонами у него есть и позитивные... Массовое политическое сознание постепенно освобождается от излишнего морализаторства, становится более прагматичным и проникается тем разумным эгоизмом, без которого общество легко обыграть под аккомпанемент разговоров о приоритете общечеловеческих ценностей» [6, с. 170]. Отмеченные явления представляются весьма существенными для сближения позиций элиты и масс, которое постепенно начало проявляться в последние годы в нашей стране.

Для определения уровня морального состояния элиты решающее значение имеет проблематика справедливости и ответственности. В справедливости, как отмечал еще Аристотель, следует различать два вида: воздающую справедливость и уравнивающую справедливость. Между тем в реальной жизни эти два вида могут вступать (и нередко вступают) в противоречия. На социальном уровне эти противоречия приходится разрешать представителям элиты или в определенных случаях (при инициировании изменений в законодательстве) элите в целом. Здесь и проявляется ответственность элиты, не только политическая и юридическая, но и моральная.

Об ответственности говорили и писали давно (со времен античности), но научный этический анализ этого понятия приобретает актуальность в работах зарубежных исследователей (Г. Йонаса, Х. Ленка и др.) лишь с 80-х гг. XX в. В вышедшей совсем недавно коллективной монографии «Философия ответственности» в главе «Аналитика ответственно-

сти» Е. Н. Лисанюк определяет ответственность как «...особое отношение между поступками человека, его намерениями, а также оценками этих действий другими людьми или обществом» [7, с. 74].

Анализируя проблематику моральной ответственности, В. Ю. Перов отмечает, что само «...это понятие многозначно, а сама проблема ответственности многоаспектна. Так, в рамках даже одной какой-либо науки термин “ответственность” используется для характеристики разных явлений и для описания различных сторон поведения субъектов» [8, с. 150]. «Кроме того, рассмотрение понятия моральной ответственности в современной теоретической и прикладной этиках выглядит продуктивным в плане рассмотрения классификации видов ответственности, их “темпоральной” обусловленности (ретроспективные и проспективные), различения ответственности “вины” и “заботы”, “ответственности за...” и “ответственности перед...”, “подотчетности” и “зависимости”, анализа структуры отношений ответственности, постановки проблем субъекта ответственности (индивидуальная, коллективная, институциональная) и т. д.» [8, с. 152].

Характеризуя структуру моральной ответственности, следует выделять субъект ответственности (кто отвечает), объект ответственности (за что отвечает) и инстант ответственности (перед кем отвечает). Один и тот же человек выступает в различных социальных ролях. Он и глава или член семьи, член сообщества друзей, член рабочего коллектива, член какой-либо партии, член какого-либо социального института. В этих различных ипостасях перед ним предстают и различные объекты ответственности, и различные инстанты (судьи) ответственности.

Что касается ответственности элит, то и здесь следует различать ответственность отдельных представителей элит и ответственность элиты в целом, ответственность за настоящее и ответственность за прошлое и будущее, ответственность перед различными социальными группами и ответственность перед обществом в целом, ответственность перед будущими поколениями и перед историей.

Главная задача элитологии – изучение механизмов осуществления власти. Природа власти проистекает из необходимого взаимодействия людей, их кооперации, для результативности которого в свою очередь необходимо обеспечить единую направленность действий многих людей. Эта направленность осуществляется принуждением, формы которого весьма многообразны (это не только различные формы насилия, но и различные формы убеждения). Без власти и принуждения не может существовать никакое общество.

Коллективными субъектами, от которых проистекает направленность общественных действий, и являются социальные элиты в широком смысле слова. Поскольку существуют различные сферы действий и различные механизмы осуществления власти, постольку выделяют и различные виды элиты: политическую, экономическую, военную, культурную, идеологическую (в том числе религиозную). В современных условиях необходимо выделять как новый феномен информационную элиту, к характерным особенностям которой относятся «...латентность влияния, меньшее сопротивление ей со стороны реципиентов; глобальность и оперативность влияния, причем не только на социально-политические процессы, но и на морально-этические нормы социума; возможность массового политического манипулирования и др.» [9, с. 106].

У всех этих видов элит есть свои специфические объекты и инстанты ответственности. На поверхности лежит корпоративная ответственность, тесно связанная с положением

каждого члена элиты в ее составе. Именно в контексте корпоративной ответственности – «...ответственность как потребность общества, разделенного по различным основаниям, в том числе по антагонистическим, является потребностью не всего общества, а его части, конкурирующей в глобальном мире и стремящейся самую ответственность превратить в товар и тем самым получить дополнительные преимущества все в той же конкурентной борьбе» [10, с. 194]. Однако абсолютизация корпоративной ответственности, ее отрыв от иных видов ответственности ведет к деградации корпоративной элиты и даже к ее распаду под воздействием внутренних и внешних факторов. Все адекватные члены общества явно или латентно несут ответственность не только перед своей корпорацией, коллективом, той или иной социальной группой, но и друг перед другом, перед семьей, друзьями, перед своей страной, будущими поколениями и в определенном смысле перед памятью своих предков. При этом процедура возложения на себя обязанности «...может быть автономной, когда агент действия сам считает себя обязанным, или гетерономной, когда кто-то другой налагает на него данное обязательство» [11, с. 64].

Все эти виды ответственности тесно связаны с такими моральными понятиями, как долг, совесть, справедливость, свобода, солидарность, патриотизм.

Как и любое моральное качество ответственность формируется в процессе воспитания, которое осуществляется уже в семье, школе, окружающей среде, СМИ, искусстве, литературе. Однако особое место в воспитании ответственности элиты занимает система высшего образования, где происходят процессы рекрутирования элиты, ее формирования, т. е. так называемого «элитогенеза».

Заложенная еще во времена античности традиция тесной связи морали и политики в еще большей степени проявляется в классической работе Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» в меритократическом подходе к исследованию элит и в целом постиндустриального общества. Меритократический принцип следует понимать как один из компонентов теории элит, объясняющий процесс формирования элиты. Он заключается в понимании процесса формирования элиты на основе учета способностей и талантов, проявленных личностью в осуществлении руководства. Меняющиеся обстоятельства и возникающие перед обществом проблемы требуют их разрешения и постоянного реагирования со стороны правящей элиты, что приводит к циркуляции элит и возвышению тех, кто способен разрешить стоящие проблемы. В этом смысле принцип меритократии подразумевает правление наилучших, т. е., что правящая элита состоит из тех, кто способен управлять, а привилегированное положение получает за свои заслуги.

В индустриальных обществах реализация меритократического принципа начала осуществляться через введение массового образования, которое стало инструментом отбора наилучших в процессе обучения.

Особая роль образования объясняется тем, что основой нового общества стало промышленное производство с базовыми принципами эффективности, рационализации, инноваций и изобретений, что потребовало специально обученных работников и повышения общей квалификации специалистов. Такая тенденция выразилась в появлении научной элиты и настолько усилилась в западном обществе, что научная элита, а в особенности ее представители, обеспечивающие технический прогресс, были объявлены властвующей элитой постиндустриального общества. Как замечает Д. Белл, «в постиндустриальном обществе технические знания становятся основой, а образование – средством достижения

власти; те (элитная часть общества), кто выдвигается на первый план, представлены исследователями и учеными» [12, с. 481].

Важно отметить все возрастающую взаимосвязь принципа меритократии и образования в современном обществе. При трансформации обществ в постиндустриальную и информационную эпоху система образования становится главным источником рекрутирования элиты для всех обществ развитых стран. В этом отношении заслуги в научных областях, интеллектуальная компетентность являются реализацией меритократического принципа современного общества, в котором меритократия становится все более образовательной.

Высшее образование, особенно в России, всегда было «нагружено» высоким социальным статусом, ведь знания (образование) помогают овладеть правилами «жизненной игры» и эффективно ими пользоваться, поэтому сама «массовость» в образовании стремится приобрести черты «элитарности».

И элитарность, и массовость являются неотъемлемыми сторонами современного высшего образования, реально существующими тенденциями в этой системе. Было бы нереально и нецелесообразно ставить задачу устранения одной из этих тенденций. Речь должна идти о поисках путей оптимизации их соотношения. Ранжирование вузов по уровню их престижа, хотя оно и было изначально и вряд ли когда-нибудь будет изжито, не является единственным и даже наиболее эффективным средством достижения оптимального соотношения элитарности и массовости. В этой связи весьма перспективным представляется широкое внедрение в образовательный процесс университетов принципа разделения высшего образования на два уровня: бакалавриата и магистратуры, обусловленное присоединением России к Болонским соглашениям. Представляется очевидным, что на уровне бакалавриата доминировать будет тенденция массовости, а на уровне магистратуры – тенденция элитарности. Однако в рамках единого университета проще наладить их плодотворную взаимодополнительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панькув И. Существует ли в Польше «элита элит» // Социс. 2004. № 8. С. 43–54.
2. Росенко М. Н. Либеральные реформы в постсоветской России с позиции неомарксизма. СПб.: Наука, 2014. 292 с.
3. Ашин Г. К. Философская составляющая элитологии // Вопр. филос. 2004. № 7. С. 125–135.
4. Гаспаров М. Понимание человека – это общее дело // Моск. новости. 2004. № 1.
5. Сутор Б. Малая политическая этика // Полит. и экон. этика. М.: Гранд; ФАИР-пресс, 2001. С. 27–174.
6. Гаман-Голутвина О. В. О столкновении морального и нравственного начал в российской политике // Полис. Полит. исслед. 2005. № 3. С. 163–171.
7. Лисанюк Е. Н. Аналитика ответственности // Философия ответственности. СПб.: Наука, 2014. С. 74–99.
8. Перов В. Ю. Моральная ответственность // Философия ответственности. СПб.: Наука, 2014. С. 150–189.
9. Родионов М. А., Волкова Т. А. Влияние геополитических факторов на формирование властных элит // Социал.-гуман. знания. 2014. № 6. С. 93–107.
10. Стребков А. И., Сунами А. Н. Конфликтология ответственности // Философия ответственности. СПб.: Наука, 2014. С. 190–220.
11. Лисанюк Е. Н. Ответственность, рациональность и власть / под ред. С. И. Дудник, И. Д. Осипова. СПб.: С.-Петерб. филос. общ. 2011. 274 с.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 949 с.

I. I. Rozhkov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

F. M. Ivanuk

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

RESPONSIBILITY AS A BASIS OF ETHICAL COMPONENT OF ELITOLOGIYA

The perspective of the ethical component of the elite research is considered in the context of its basis – responsibility. Different types of elite, problems of their interactions for process optimization of transformation and stabilization in the society are analyzed. The important role of the higher education system in the processes of elite forming and increase in efficiency of their activities is shown

Elite, elitologiya, elitogenesis, counterelite, meritocracy, responsibility, subject of responsibility, object of responsibility, instant of responsibility, justice

УДК 392.81

И. В. Горина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Анализируются концептуальные понятия типологии культуры Н. Я. Данилевского, «местной истории» В. О. Ключевского, «онтологии культа» В. В. Розанова, «путешествия в культуру» И. М. Гревса, деятельностного подхода М. С. Кагана, актуальные для современного изучения региональной культуры.

Региональная культура, культура, топология, типология культуры, онтология культуры, местная история

Современные исследования показывают, что культура наравне с экономикой, политикой и другими сферами общественной деятельности активно воздействует на исторический процесс, обуславливая различные аспекты его развития. В связи с этим становится важным изучение проблем региональной культуры, что позволяет выявить и системно анализировать многообразие конкретно-исторических национальных, этнических форм существования людей, показать закономерности их появления и развития. В условиях обострения мировых социальных и национальных региональных конфликтов, обусловленных социально-экономическими и политическими элитами мира, становится чрезвычайно важной выработка новой научно-исследовательской парадигмы изучения региональной культуры.

Фундаментальным основанием нового подхода к проблемам изучения региональной культуры может стать принцип гуманизма, запечатленный в культурно-историческом своеобразии народа и опыте функционирования его социально-политических институтов на протяжении столетий. В этом контексте значимы идейные наработки русской школы мысли второй половины XIX и XX вв., которые могут стать основой современных теоретических и практических исследований региональных культур. Изначальной ценностной доминантой